

Критика, библиография, рецензии

**НАСЛЕДИЕ БЕЗ НАСЛЕДОВАНИЯ –
НАСЛЕДНИКИ БЕЗ НАСЛЕДСТВА**

**Заметки политолога на полях монографии д.ф.н., проф.
И.К. Кучмаевой «Социальные закономерности и механизмы
наследования культуры»**

В.Н. Расторгуев

Очередная монография Изольды Константиновны Кучмаевой «Социальные закономерности и механизмы наследования культуры» (М.: ГАСК, 2006) – заметное явление в научной и культурной жизни России. На первый взгляд это чисто академическая работа с четко выраженным акцентом на философской и методологической стороне освоения и защиты культурного наследия, в частности наследия славянских народов. Однако за внешней оболочкой этого хорошо структурированного исследования скрыта чрезвычайно злободневная проблематика, которая непосредственно связана с определением внутренней и внешней политики России, стоящей перед необходимостью найти адекватные ответы на вызовы времени.

В море научной и публицистической литературы, посвященной изучению и защите национального и мирового культурного и природного наследия в условиях глобализации, мирно сосуществует великое множество авторских версий, теорий и научных школ, которые либо дополняют друг друга, либо конкурируют на едином проблемном поле. Впрочем, такая конкуренция обычно воспринимается как чисто интеллектуальные «интерпретаторские» изыски, не имеющие отношения к судьбоносным проблемам, волнующим сегодня не только научное сообщество, но и всех, кто видит масштабы угрозы для наследия и наследников, исходящей из тотальной унификации культурного мира. Если по самым оптимистическим прогнозам в течение жизни двух-трех поколений количество языков и народов, населяющих Землю, сократится вдвое, то по прогнозам пессимистическим можно говорить об «убыли», которая составит 80–90 %...

При внимательном рассмотрении обнаруживается, что «мирное сосуществование» культурологических теорий столь же обманчиво, как и само мирное существование государств и народов, цивилизаций и культур в начале третьего тысячелетия. Обманчиво и демонстрируемое концептуальное многообразие, поскольку, во-первых, оно касается, как правило, отдельных и частных вопросов, а, во-вторых, сама эта проблематика никогда не связывается с глубинным анализом противоречивых тенденций, обозначаемых обезличенным понятием «глобализация». Благодаря этому обстоятельству базовые ценностные ориентиры и наиболее распространенные концептуальные схемы остаются вне поля критики и воспринимаются чаще всего как аксиоматический фундамент в процессе производства все новых теорий, точно так же, как и отношение к феноме-

ну глобализации, субъектами которой, по мнению И.К. Кучмаевой, должны выступать не беспамятные «граждане мира», а люди, несущие в себе сокровищницу национального культурного опыта, который в результате глобализации становится не закрытым, а открытым для освоения его извне» (с. 6).

Автор отдает себе отчет в том, что должествование, о котором идет речь, – это всего лишь идеальная модель, которая может и должна обеспечить преемственность культур, если в сознании людей проснется уважение к духовным основам своей культуры. Но в глобализирующемся мире господствует совершенно иной императив, в соответствии с которым глобализация понимается как «сообщество граждан мира, лишенных прежней идентичности, дистанцированных от своих национальных традиций». В этом контексте ослабление культурной идентичности «рассматривается как одно из условий транснациональной мобильности людей и их приживаемости в новых мирах и пространствах» (с. 6).

Если эта несовместимость установок зачастую остается незамеченной в рамках собственно научного дискурса, то она сразу обнаруживает себя, когда мы переходим в область реальной политики, неотъемлемой функциональной целью которой является природосбережение и народосбережение. Эту двуединую цель можно, разумеется, игнорировать в процессе политической деятельности, но факт остается фактом: именно соответствие этой цели является вневременной основой культурной легитимации политики и политических режимов. Кроме того, культурное и природное наследие – это не только предмет чисто научного интереса, но и огромная собственность. Наследие как собственность имеет определенную цену и требует достаточно четкого и детального осмысления всех процедур (в том числе и мыслительных процедур), связанных как с классификацией наследия, так и с процессом установления наследников, а также с отработкой механизма их вступления в права наследования с точки зрения права – международного и национального.

Если же учесть, что вся эта работа осуществляется в контексте современной геополитики и самым непосредственным образом связана с очередным витком планетарного передела ресурсов в условиях острейшего ресурсного голода, то становится понятной политическая ангажированность многих концептуальных схем, которые воспринимаются как нейтральные и даже объективистские, пока они используются в теоретических построениях. Еще очевиднее становится актуальность и политическая значимость этой проблематики, когда мы раскрываем феномен наследования с использованием философской методологии, обращая внимание на процесс наследования с позиций идентификации и самоидентификации – культурной, конфессиональной и этнической, гражданской и политической.

В подавляющем большинстве работ о наследии (культурном и природном, национальном и мировом) вне проблемного поля остается ключевой вопрос об определении подлинных наследников. А в тех редких случаях, когда глубинная связь между этими феноменами каким-то образом учитывается или даже фиксируется, из поля зрения исчезает или сам механизм наследования, или тот факт, что всегда существует такой коллективный субъект наследования

и ресурсодержатель, как народ. Заметим в этой связи, что механизм наследования требует кардинального философского и методологического переосмысления, если мы выходим за рамки сугубо утилитарного подхода к теме, например, узко-правового ее аспекта, связанного с защитой интересов частных или юридических лиц.

Заметная ограниченность в осмыслении темы во многом объясняется тем обстоятельством, что стойкий исследовательский интерес к этой проблематике, как замечает И.К. Кучмаева, возник лишь во второй половине 60-х годов прошлого века. Именно тогда были предприняты попытки системного подхода к культурному и природному наследию как в научных исследованиях, так и в международной политике (взаимная связь этих тенденций заслуживает особого рассмотрения), а также сложился категориальный аппарат, позволяющий описывать механизмы преемственности, взаимосвязи между традициями и новаторством в культуре.

Впервые не только в отечественной, но и, наверное, в мировой научной литературе опыт системного анализа социокультурного феномена наследования был осуществлен И.К. Кучмасвой. Она не только предложила оригинальную философскую теорию культурного наследования, оказавшую заметное влияние на исследования в различных областях культурологии в последние годы, но и связала эту тему с другой, не менее сложной и «непрозрачной» проблемной областью – теорией глобализации. В своей монографии И.К. Кучмаева подводит итоги многолетней научной работы, результаты которой тесно переплетены с инновационной педагогической и научно-организационной практикой (успешный опыт создания и развития Государственной академии славянской культуры – ГАСК) и международной политикой – будь то культурное взаимодействие славянских стран или славянский вектор внешней и внутренней политики Российской Федерации. Причем теория и практика настолько прочно взаимосвязаны в творческой деятельности автора книги и создателя академии, что теперь почти невозможно сказать, что является причиной, а что следствием – разработанная авторская концепция непрерывного образования, обеспечивающая наследование культуры, или внедренная, институционализирующая образовательная модель, позволяющая сохранить преемственную связь в процессе развития и взаимообогащения славянских культур.

Именно эту функцию выполняет созданная И.К. Кучмаевой Государственная академия славянской культуры, уникальный опыт которой чрезвычайно важен не только для России, но и для Европейского Союза, поскольку, как отмечается в книге, глобальная конкурентоспособность объединенной Европы «в значительной мере будет определяться тем, насколько полно и гармонично в нее войдет славянский мир». При этом особо акцентируется то немаловажное обстоятельство, что «сегодня в ЕЭС стоит проблема легитимации и признания славянского опыта, учета славянской культурной специфики при принятии важнейших европейских решений». Глобальный мир, по мнению Кучмаевой, «не должен быть миром, разделенным на тех, кто несет свой передовой опыт, и

тех, чей опыт не ценится и подлежит забвению. Исторический процесс так причудлив и многопланов, что никто не может сказать заранее, чей ответ будет востребован завтра, а чей – отодвинут в тень... Новым поколениям славян важно передать в ходе образования ту бесспорную истину, что славяне – носители уникального культурно-исторического опыта, и их задача – не стыдиться этого опыта, а творчески реинтерпретировать собственную традицию в соответствии с запросами времени» (с. 7-8).

Особого внимания заслуживает философская презумпция, из которой исходит автор при определении культурного наследия, не сводя его ни к позитивному набору ценностей – культурному достоянию (народа, эпохи, мирового сообщества), ни к тем формам наследия, которые в данный исторический момент воспринимаются как ценность, заслуживающая сохранения и защиты. Чаще всего такая селекция осуществляется на основании убеждения или, точнее, предубеждения, выделяющего из общего числа группу «избранных», «актуализированных» объектов наследия, полностью «вкладывающихся» в некую общепринятую и внутренне непротиворечивую парадигмально-аксиологическую схему. Однако именно непротиворечивость и логическая завершенность предлагаемых схем заставляют усомниться в их универсальной ценности и объективности, а следовательно, и в методологической обоснованности произведенной селекции.

Думается, что такого рода философская рефлексия, которой, к сожалению, слишком редко пользуются специалисты, оценивающие «объекты наследия», могла бы послужить барьером, защищающим культурное и природное наследие от целенаправленного разрушения. А оно действительно нуждается в защите не только от «варваров» и дилетантов, но и от планомерного уничтожения, не так уж редко осуществляемого «наследниками», вооруженными «новейшими знаниями». Сама их уверенность в своей полной компетенции и решимость при осуществлении культурной селекции – явное свидетельство того, что мышление «защитников» находится в чрезмерно тесной зависимости от господствующих политических доктрин, разделяющих наследие на «наше» и «чужое» («наследие проклятого прошлого»). Впрочем, не менее опасна и зависимость экспертов или тех, кто принимает решения, от научных теорий, поскольку конкурентоспособность многих из них держится, как известно, на авторитете авторов.

По мнению И.К. Кучмаевой, «проблема актуализации тех или иных групп культурных ценностей (при всей ее социальной значимости) неизмеримо уже проблемы освоения и сохранения культурного наследия в целом» (с. 10). На этом основании делается ряд чрезвычайно интересных обобщений. Отметим только три из них.

Первое касается социума и заключается в том, что «беречь и хранить необходимо максимально возможное количество позитивных и негативных ценностей во имя воссоздания достаточно полной, объективной и противоречивой картины эволюции человеческой культуры, выводя вместе с тем на уровень общественного сознания в первую очередь ценности, способствующие ее действительному обогащению» (с. 10).

Второе обобщение может служить рекомендацией для исследователей и практиков, ориентируя их на самокритичное отношение к собственным профессиональным знаниям о формах наследия и механизмах наследования. И действительно, «высокий уровень реально освоенного культурного наследия в профессиональной сфере» может легко «уживаться» с самым низким уровнем освоения культурных ценностей, «что свидетельствует о наличии большого, не воспринятого личностью пласта культурного наследия, оставшегося для нее потенциальным фондом» (с. 70-71).

Третье обобщение относится по преимуществу к прогностической деятельности, фиксируя внимание на необходимости сочетания методологических установок, не исключающих, а дополняющих друг друга – установки на сбережение (без искажений) тех элементов культурного наследия, которые сегодня представляются второстепенными, и установки на критическую оценку культурных ценностей. Такое сочетание делает процесс наследования «открытым, наименее элитарным процессом освоения культуры прошлого, так как оно означает не только преемственное целенаправленное восприятие определенных ее пластов, но и дальнейшее развитие современной культуры на богатом фундаменте всех человеческих ценностей» (с. 248).

А среди общих выводов, к которым приходит автор исследования, особый интерес представляет небесспорное, но хорошо обоснованное положение, согласно которому культурная преемственность «при всей своей широте и социальной значимости» – это лишь одно из проявлений наследования культуры. А само наследование в этом контексте интерпретируется как объективный и универсальный процесс, «который является самой богатой линией освоения культурного потенциала прошлых столетий» (с. 247). Из этого следует констатация исторической бесперспективности субъективистского произвола по отношению к отдельным ценностям культуры и подлинному авторскому замыслу: «в силу того, что в качестве объекта наследования современный человек берет совокупное культурное богатство, созданное на определенных исторических этапах, недопустимо без ущерба для истины ... перекраивать, достраивать это наследие, ибо история «неисправима» (с. 248).

Единственное замечание, которое мог бы сделать автору монографии читатель, не знакомый с другими книгами И.К. Кучмаевой, ее научно-организационной и педагогической деятельностью, заключается в том, что за пределами исследования остались те социально значимые направления практической работы, которые могли бы продемонстрировать неразрывную связь авторских концепций и реальной политики. Но для читателя, который следит за исследовательскими, образовательными и культурными программами, которые инициированы Изольдой Константиновной за последние два десятилетия, такая связь очевидна: многие, казалось бы, отвлеченные философские идеи получили свою «прописку» в жизни страны, давно уже став институциональными фактами.

Это в первую очередь, как уже говорилось, Государственная академия славянской культуры, не только давно зарекомендовавшая себя как общепри-

знанный центр межславянской культурной интеграции, но и ставшая школой профессионализма и альма-матер для многих поколений ученых и специалистов в самых различных видах деятельности – от лингвистики и психологии, теоретической и прикладной культурологии до изобразительного искусства и иконописи, хореографии и музыки. И каждое из этих направлений основывается на «отвлеченных» принципах наследования лучших традиций русской культуры и культур славянских народов. А поиск наследников начинается, как это и предусматривалось в концепции непрерывного гуманитарного образования, с дошкольного воспитания. Благодаря этой системной и многолетней работе у России и славянского мира появляется надежда на то, что культурное наследие наших народов не будет принесено в жертву культу унификации, а наследники – юность славянского мира – не останутся без законного наследства.